

Сказка Бесконечного

Я не до конца, возможно, осознал, где заканчивается степная даль и начинается Чащоба Владык, затягивающая не хуже любой трясины. Казалось, что небо было изрезано на разноцветные осколки, когда я следовал за призрачным поводырем, лавируя на мшистых и усыпанных еловыми иголками тропинках существования. Они вились, как гнёзда между переплетенными ветками, каждая из которых была, в действительности настолько невероятно тонкая, что казалась сельдью под прессом, не забывая в нужный момент становиться лазом в иное измерение.

Поначалу, когда солнце было слишком ярким, облик призрачного поводыря был настолько смутным и неясным, что у меня не было никакой возможности рассмотреть его получше, но с углублением в Чащобу он стал принимать облик различных диких и нестерпимо сверкающих глазами прямо из темноты животных. Я знал, что он ведет меня напрямиком в трясины - нет, отнюдь не болото, но, скорее уж, в трясины моего понимания, зеркальный фильм, коридоры внутреннего отражения, откуда уже не было и не могло быть возврата.

Также я знал, что за мной следят. Все эти предчувствия, ощущения пристального беспристрастного взгляда, точно судья мировых весов сам удивился ещё не назначенному, но уже витающему в воздухе наказанию, применимому отнюдь не ко мне, а ко всему, что до сих пор еще связывали тончайшие волокна каналцев, кажущихся мне реальностью и ей же усердно прикидывающейся. Магистр когда-то сказал: “Если попадаешь в трясины Чащобы, её эпицентр лесного сердца, то всё, что бы ни происходило с тобой или виделось вокруг тебя, обязательно оказывается на теневой стороне существования”.

Ближе к ночи я запалил фитиль керосиновой лампы и остановился на одной полянке, где из словно просеянной и перелопаченной гранитными троллями земли торчали какие-то зримо проржавевшие от времени, точно вылепленные полукруглым колечком, кровавистые лезвия скальных уступов, поросших всеми возможными и даже невероятными видами лишайников, выглядевшими чуточку инопланетно. Усталость брала верх.

Укрывшись, словно в придонной ночи синей галактической кастрюли, кипящей расцветающим нирванисто-засвеченным лотосом цветасто-звездного неба, я принялся пристально смотреть в самый центр мерцанья колышущегося языка пламени, расгорающегося

символом маячущей где-то вдали, но неуловимой таинственной души леса. По коже пробежал легкий озноб, когда я увидел отблески керосиновой лампы в смотрящих из глубин леса с внимательной отрешенностью глазах, светящихся откуда-то слегка сбоку из отдалённых кустов то ли бузины, то ли дерезы. Резко дёрнувшись, я повернулся в сторону наблюдающего за мной существа. Глаз больше не было видно.

Стараясь сбросить мимолетное наваждение, я принялся громко петь по ветру, отрешенно разглядывая то чуть синеватый огонёк лампы, то хурмяно-оранжевые языки кострового пламени, казавшиеся принадлежащими безвестной доисторической ящерке, закопанной на поляне носатой мордой вверх и показывающей из-под почвы свой тяжёлый тёплый раздвоенный язычок, лижущий лесной воздух ночи и тщательным образом вынюхивающий его в поисках среди шлейфов аромата кипрея, хвои и земляники узенького вкрапления трусливой вони трясущейся всеми поджилками жертвы с тем, чтобы высунувшись подлиннее и достигнув добычу, навсегда поглотить её в свои глубинные пищеварительные пещеры, распластанные разветвлёнными потоками корней и подземных ручьёв, тянущихся в самый концентрат елового эпицентра, в самую пучину мыслящей Чашобы Владык.

Ощущение, что за мной пристально наблюдает чуждое ночное то ли Ничто, то ли Нечто, не только не исчезало, но как раз наоборот - усиливалось, однако же, ничего необычного не происходило. В один явственный, но от этого не менее жуткий момент, я приобрёл странную светимость очертаний, сквозящую пустотой черных клеток и принимающихся поэтапно всё усиливать и усиливать флуоресцирующее излучение, как во время карабканья по отвесной шаткой лесенке, и в итоге усилившееся до такой степени, что все мое естество буквально вывернуло изнутри в некое качество беспримерной потусторонней инаковости, прорастив корешками по ту сторону ветвей и вытолкнув в сетку туманных туннелей, сквозящей мерцающим вакуумом неопределённой наполненности бытия, столкнувшей воедино все вероятности, но так ни одну из этих вероятностей и не избравшей.

В этот самый момент вдруг стало очевидно, что абсолютно всё, принимаемое мной за колышущийся под действием тепла воздух над лампой, есть не что иное, как сконцентрированный на поляне призрачный мой поводырь в трясины разума Чашобы Владык, и он же следил за мной все это время, дожидаясь, пока, наконец, трясины, отражённая своим существованием во мне, не позволит обозначить Чашобу вне любых категорий, форм и рамок понимания. Сгущающийся

туман поводыря неистово принялся вычерчивать в воздухе повторяющиеся контуры, пока не приобрёл вид толстого рогатого бражника, вечно опаляющего крылья о синтетический огонь лампы, но никогда не сгорающего дотла. Мотылёк-поводырь послушно уселся на вытянутый палец, и, что показательно, у него действительно торчали на голове два маленьких рога, похожих на пару колких и прочных рыбьих ребер.

Лес внезапно развернулся на сто восемьдесят градусов. И оказалось что все это время меня ждала тропа в неизвестность. Ноги не шли и даже просто принципиально и упорно не желали шевелиться, слушаясь своего хозяина. Вместо ног зато подо мной шевелилась и шаталась земля, шершаво и шероховато шуршащая всей поверхностью солончакового слоя почвы. Рогатый поводырь-бражник подхватил накачанными лапками керосиновую лампу, и с этого момента я оказался неминуемо привязан к его дёргано-порхающим резким траекториям движения в воздухе, выписывающим невиданные ранее кренделя. На тот момент у меня уже не оставалось ни сил, ни воли, чтобы свернуть с намеченного мохнатым дебелим мотыльком пути в Чашобе.

Вперейди неясно замерцала слюдяными с пиритовым отблеском окнами ветхая деревянная сторожка, а гипнотизирующее покачивание керосиновой лампы путеводного фонаря, следующего за пляской рогатого мотылька, порхающего по тропе куда-то в неопределённое будущее, окончательно усыпило и без того смутное восприятие происходящего. Когда я проснулся, то сквозь слюдяные стекла ярко светило солнце, похрустывало духмяное сенце внутри лежанки, обдавая с ног до головы свежим горьковатым оттенком неопределимых лесных трав, а также чабрецом, душицей и валерианой аж до головокружения. Туловище затекло и почти ничего не чувствовало после многокилометровой усталости вчерашнего дня. Вообще, царившая вокруг атмосфера больше напоминала убранство какой-то патриархальной русской бани, нежели чьё-то жилище в лесу. Под равномерно просмоленным потолком хаты висели и сушились насыщающие атмосферу своими эфирными флюидами разнотравные венички вкупе с непонятными пряными кореньями и давно отцветшими цветами, которым, по-видимому, был уже не один год, а рядом разместился дремучий деревянный и, наверное, очень антикварно-раритетный ретро-шкафчик с коробочками и ящичками, подписанными наименованиями многочисленных растений, лекарственных и не только.

Цивилизация до этого места, казалось, не дошла, но, стоило мне

лишь чуть сильнее присмотреться с лежанки, чуточку приподнявшись вверх, полстены оказалась освещена малопонятым переливающимся противоестественным чуточку бикующим сиянием, словно золотистой пылью, исходившей столбами изнутри бревен посредством чьей-то равномерно толкающей вверх импульсной силы. Дверь снаружи сторожки скрипнула, и внутрь вошел человек обличья не то страшного, не то просто странного, облаченный в наряд из шкур диких лесных животных. Шкуры были расписаны рисунком, изображающим фантастических зверей, эпичных тропических растений, выведенных словно бы за пределами разумного мира, а голову человека украшал парадоксальный убор, усеянный множеством нашивок, бубенцов и разноцветных повторяющихся орнаментов, из которых наружу выделялись два довольно крупных торчащих под углом вверх и вперед бежево-розоватых рога.

За человеком вприпрыжку бежал смешной беззубый карлик в широкополой шляпе, неуловимо похожий местами на сказочного гномика, не то на артистично исполненную карикатуру самого себя, не то на человекообразную обезьяну. А, быть может, его роскошная растительность на лице, необыкновенная одежда и глубокомысленное выражение глаз делали его сходным с той знаменитой категорией восточных гуру, одно лишь поднятие пальца которых достаточно для постижения всех тайн мироздания при должном внутреннем настрое. Впрочем, столь ли при должном внутреннем настрое учеников необходимо исполнение долга в форме этого задумчивого потыкивания неба сенсеем, восточные мудрецы, конечно же, нам не раскрывали, продолжая всё лишь тыкать да тыкать вверх, возможно, уже ничего не воспринимая и веками, на самом деле, пребывая в состоянии глубокого трансового замерше-самозацикленного энтазма, блаженно угасая в бессмысленной и безмысленной попытке воспринять принципиально невоспринимаемое, в своём вечном заблуждении прозвав этот белый шум Абсолютом.

- Позволь представиться, - начал свою речь рогатый человек. - Я - тот самый поводырь, твой жирный рогатый мотылек, что сопровождал тебя вчера на тропе в трясину Чащи Владык. Имя моё Вокут, а прозвище - Айтыгыр-Ктыхытыын, и, петляя в туннеле деревьев, ты, продираясь сквозь невозможное, одолел познанием тени мира, ее изнанки, иначе бы никогда тебе не бывать здесь. Добро пожаловать во внутрь трясины моей Чащобы.”

- Могу ли я узнать теперь дорогу домой? - попытался тогда я задать Вокуту ответный вопрос. - Ведь нет ничего в мире, куда бы не было

пути, и откуда бы пути не было.

- Души естеств укажут тебе путь, - был мне ответ. - Но куда бы ты ни шел и откуда бы ни возвращался, отныне ты всегда будешь в моих владениях. И все дороги и тропинки в Чащобе исходят отсюда и сюда же ведут - в трясину разума, но пока ты её не достиг, у тебя есть ещё возможность развернуться обратно и выбрать другой путь, хотя уже может и не быть сил для этих действий. Попутчик же Силы, мой нервно мигающий огонёк в ночи, для лишённых путевых нитей укажет лишь на то, как идти только прочь от трясины в Чащобе, и как никогда ее не достичь, хотя бы и шагая по всё тем же тропам, ведущим в моем направлении и пронизывающим всё моё владение - тропы, следуя за мотыльком света, всенепременно завернут не туда, сворачиваясь в изгибах, уводящих случайных путников всё дальше и дальше от моего жилища. Но попав в эту сторожку хоть раз, даже покинув здешние места и придя в край домашний, ты по-прежнему будешь оставаться в моей сторожке, хоть и будет тебе казаться другое, хоть и будет тебе сниться ежедневно повторяющийся с небольшими вариациями сон, показующийся тебе таким настоящим, что ты предашь забвению память о том, что на самом деле спишь.

И тогда ты проспишь на соломенной лежанке моей лесной хаты до самого момента, в который тебе предстоит покинуть мир, когда, лишь на миг очнувшись, ты поймёшь, что тебя никогда и не существовало в действительности, а ты был просто сновидением, увидившим самое себя, причём сновидением даже не тебе, а вот этому эфемерному запаху тимьяна и валерианы, призраком витающему где-то в глубинах хижины, или, быть может, привидевшемуся сенной лежанке или шкафу со снадобьями. Но ты хотя бы сможешь узнать то место, где проспал всю жизнь, тогда как другие люди, с ужасом бежавшие из трясины разума, как из выдуманного ими же ада, не сумеют даже этого и не опознают в прмелькнувших пучках травы и сушащихся под потолком грибах скромную свою малую родину - единственную и настоящую, общую для всех, в какой бы части Земли они ни думали, что появились на свет. Все они спят здесь в незримых даже моим гостям потоках вероятностей, поэтому сторожка кажется пустой, тогда как в ней проживает население целой планеты - и даже не одной и не только из вашего человеческого мира. Но - повторюсь - никогда уже не отыщешь ты пути назад, ибо тем, ко попал в мое царство и увидел его собственными глазами, проникся им изнутри и пропитал вовнутрь себя суть здешнего края, вернуться уже невозможно. Нельзя забыть, узнав. Можно лишь временно запомнить.

Открытая тайна на дне банки тушенки никогда более не станет закрытой и запечатанный за семью замками консервой, хотя тушенку можно, конечно, как кушать, так и изучать. Те же, кто не любит тушенку, никогда не придут полностью ко мне. Они придут в трясины другой Чашобы, например, для всех тех, кто любит сгущенку. Или сардины в томатном соусе.

Бессчетные пути ведут все точки мира сюда, но еще более бессчетные пути ведут во всё новые точки, создавая мои новые отражение их самозарождения в вас, людях. А тот, кто ещё в трясины увяз в круговерти долга перед себе подобными, как пасечник, кружащийся среди пчёл и сам начинающий их напоминать повадками подобно тому, как собачник напоминает своих собак, тот всё ещё идёт. Парящих в небе единицы, и среди них есть те, кто еще никогда не становился поперёк, а шёл только по своим тропам. Есть и те, кто даже на эти тропы никогда уже не взойдет, равно как и те, кто лишь на мгновенье подпрыгнул над своей тропой.

- Как мне теперь жить вот, Вокрут? Куда мне теперь идти, мой дородный мотылёк ночи и ветра? - я не находил себе места.

- Ты знаешь, у каждого поводыря также есть поводырь. А у того поводыря поводыря, свою очередь, есть еще поводырь. И никто не знает, заканчивается ли когда-нибудь это цепь, есть ли у неё предел? Мой обожаемый, а теперь уже махающий крылышками заместо меня карлик-шляпник, прозванный в народе дедушкой Мухомором, широкополым бражником и мировым судьёй мерцающих светлячков в Реальности, способен привести тебя в овладение моей истины в Чашобе, но и способен научить тебя думать, что ты где бы то ни было еще, этим якобы выведя тебя из моих владений. Твой выбор теперь - овлаевать ли искусством не быть во владениях или остаться здесь навсегда, выбрав множественность их форм, плавно перетекающих в бесконечность.

Дедушка Мухомор сначала покрхтывая, а человеческой речью он, по-видимому, не владел, указал рукой в сторону шкафа. Я шагнул и, неожиданно для себя самого, широченно распахнул створки у того самого шкафа. За створками серебрилась дорога, но приглядевшись, я понял, что дорога жидкая, и поэтому выбираться мне придется вплавь, если не придумать что-нибудь более полезное, оптимальное и любопытное. Вытянув присоски рук, я, как муха, усевшаяся на хлебную корочки приманки Реальности, на эту закинутую карликовым мотыльком-оборотнем краюшку-приманку, зацепился за спасательный фон чувствования самой глубинной и вдруг раскрывшейся передо

мною во всём своём фееричном сверкании и посверкивании сущности дедушки Мухомора, точно заяц, карабкающийся в лодку лично для него спроецированного в выбранной точке пространства-времени Мазая.

Сейчас, вернувшись в подобие реального мира людей, я все же не могу позабыть трясину разума в виде сторожки Вокута в Чащобе Владык и его вторую форму, его альтер-эго, этого гибкого карликового рогатого мотылька-поводыря, лесную травянистую атмосферу хибары, свет через слюдяные и чуточку пиритовые окна, лежанку на душистом разнотравье, заставляющую себя думать что она - это я и что я уже не там, где я есть, хотя меня на самом деле вовсе нет нигде, кроме процесса, кажущегося мне мною и содержащим именно в этой и ее свой смысл смыслов.

Интересно, а кто же этот таинственный первоначальный поводырь, от которого произошли все прочие поводыри, ведущие его, бесконечно повторяя собственную службу, в эпицентр разрастания Чащобы? Неужели весь мир? И неужели я все еще там? Видимо, так и есть.

В этом суть пути Сказки Бесконечного - бесконечно рассказываясь, начинать всем казаться именно в силу процесса изложения самой себя. И каким бы сказочным или безумным он ни казался, живущие в Сказке всё равно перепутают своё безумие обыденности с естественностью безумия, наполнив смыслом бессмысленное и лишив смысла действительное. Хотя действительному смысл не нужен - оно вне любых категорий смысла только уже в силу того, что оно - действительное. Вот так мы все обычно и живём с вами. Прямо в Сказке!

*Белоусов Роман,
18 августа 2013 года.*